

У світоглядному ракурсі як викладачі технічних дисциплін, так і гуманітарії мають істотно переглянути свої погляди. При цьому перші мають зрозуміти власну обмеженість, визнати, що крім світу техніки існує й інший світ, інша культура – гуманітарна, яку не всі знають і до якої часто ставляться упереджено. Шлях тут лише один – мати бажання зустрітися з «незнайомцем», вступити в контакт, розпочавши діалог.

Гуманітарії, у свою чергу, мають усвідомити, що більшість із них наче замкнулася у «вежі зі слонової кістки» і не помічає тих змін, що відбуваються у реальному житті. Їхня любов до духу, до людини, до мови чи свідомості не враховує технічної (у широкому сенсі) обумовленості, того, що *сучасна людина* (незалежно від того, орієнтується вона на гуманітарну чи вузькотехнічну культуру), за М. Хайдеггером, є *«по-став»*, тобто, *функціональний елемент техносфери*, людина давно вже не вільна. Треба уявити, що не існує якоїсь єдиної гуманітарної культури, що доля техногенної цивілізації в її окремих різновидах і в цілому залежить від розвитку науки, інженерії, проектування, технології. Усі ми – плоди і в чомусь жертви такої цивілізації. Тож, характеристика сучасної людини як часткової, «одномірної», «масової», «роздрібненої» і таке інше – це відноситься до більшості з нас – представників дуалістичної технічно-гуманітарної культури. І так звані «технократизм» і «професійний кретинізм» може характеризувати як вузького спеціаліста-інженера, так і професора історії чи філософії. А головним є усвідомлення представниками обох культур того, що вони – рівноправні учасники діалогу, а не оракули, які володіють абсолютним знанням. Тож, можна погодитися з В. М. Розіним, який наступним чином формулює головну світоглядну задачу у технічній освіті: *необхідна рефлексія над своєю професією, визначення її кордонів, усвідомлений і критичний аналіз культури (технічної або гуманітарної), до якої ти належиш*, знайомство з протилежною культурою, спілкування і діалог з її представниками, розуміння проблем і задач, котрі ще необхідно вирішувати, притаманних цій культурі способів мислення, форм життя і діяльності.

Література: 1. Розин В.М. Философия техники. – М., 2001.; 2. Сагатовский В.Н. Что такое гуманитарное развитие общества // Социально-гуманитарное знание. – 2002. – №3. – С. 65–83.; 3. Чаплыгин А.К. Философия в культуре: актуальные контексты. – Х.: Изд-во «Лидер», 2014. – С. 243-292.

СОЦИАЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В РУСЛЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

И.В. Владленова

Национальный технический университет «ХПИ», Харьков

Социальный детерминизм в своем историческом развитии прошел путь от основного принципа социологии до междисциплинарного направления, развивающегося на стыке социологии и философии техники. С точки зрения социального детерминизма динамика, развитие техники обуславливается общим социокультурным контекстом. Это значит, что развитие техники имеет не только присущие ей внутренние факторы, но и внешние детерминанты (оно обуслов-

лено не только внутренней логикой самого технического процесса).

Л. Грин, придерживаясь позиции социального детерминизма, вводит понятие «технокультура», в котором отражается контекст развития технологии во взаимодействии с политикой, экономикой, культурой. В своей книге «Технокультура» Лейла Грин утверждает, что социальные процессы определяют роль и развитие технологии, которые служат социальным целям. Она утверждает, что каждое технологическое развитие на протяжении всей истории было стимулировано определенной общественной потребностью, идущей от экономического, политического или военного запроса. С точки зрения Грин, технологии всегда развивались с определенной целью и для решения определенных социальных задач [3]. Социальный детерминизм означает не только детерминацию (обусловленность) социальных отношений внешними для общества факторами (природной средой, связями «человек-природа-общество»), но и самодетерминацию: социальные отношения, вплетенные в экономическую, политическую, правовую жизнь общества взаимозависимы и развиваются по своим собственным законам, которые определяются социальными факторами. В рамках этой позиции предполагается, что обоснование закономерного, детерминированного характера развития общества возможно лишь на почве признания социальной субстанции как основы, на которой образуется всеобщая связь социальных явлений, в том числе и их причинная зависимость (обоснование причинности часто проводится на базе системного подхода, рассмотрения общества в качестве системы, целостности). Такое представление разрабатывается в рамках социологии знания и социальной эпистемологии, которые основное значение отводят экстернальным факторам, как основным движущим силам развития научного знания. Задача социальной эпистемологии заключается в централизации знания, а также любой деятельности, которая направлена на выявление социальных детерминант. В этом ключе наука может быть классифицирована как форма воплощения социальной реальности (однако науке также присущи качества, делающие ее автономной от социальных факторов).

Заимствовав марксистское положение о зависимости общественного сознания от общественного бытия и социальной обусловленности познания, Маннгейм полагает, что общественное бытие не сводится только к «экономическим отношениям производства». Согласно Маннгейму, задача социологии знания заключается в анализе социально-исторической обусловленности мышления (как теоретического, так и обыденного), и разработке учения о «внеатеоретических условиях знания». Согласно Маннгейму необходимо раскрыть природу социальной деятельности индивидов, причины и условия их развития в контексте между индивидуальными, личностными компонентами творческих достижений и компонентами социальными. Он полагает, что нельзя обрести истинную историческую перспективу без осознания социального фона исторических событий. В рамках социологии знания разрабатывается учение о так называемой «экзистенциальной обусловленности знания», которое необходимо исследовать в контексте исторических изменений, происходящих на фоне социального развития, задача социологии знания – проследить эту «обусловленность» применительно к различным содержаниям знания в прошлом и настоящем [1]. Только таким обра-

зом, по мнению Мангейма, можно преодолеть расплывчатую, непродуманную и поэтому неплодотворную форму релятивизма в науке, которая сохранится до тех пор, пока наука не осмыслит эту все более отчетливо проступающую обусловленность любого продукта мышления. Социология знания пытается решить эту проблему не посредством боязливого игнорирования данных о социальной обусловленности знания, - она стремится преодолеть растущее беспокойство тем, что вводит эти данные в рамки самой науки и использует их для корректирования научных выводов; поскольку, однако, эти данные представляются еще недостаточно отчетливыми, точными и отчасти преувеличенными, социология знания стремится свести их к твердым неоспоримым положениям, чтобы тем самым сделать более доступными методическому изучению.

Современная социология знания изучает с различных теоретико-методологических позиций проблематику социальной природы знания. В сферу ее интересов входит анализ социальной природы знания (социология знания в узком смысле); мышления, его исторического развития (социология мышления), когнитивных систем и познавательной деятельности общества (социология познания) и основания социологии (социология социологии). Социология знания является метатеоретической областью, не укладывающейся в традиционные отрасли социологии. В рамках социологии знания развивается социология научного знания, фокусирующаяся на роли социальных факторов в процессе производства и воспроизводства научного знания, анализируются вопросы содержания научного знания. Первые исследования по социологии научного знания были начаты усилиями Людвика Флека, Бориса Гессена, Майкла Полани, Т. Куна. Впоследствии их идеи разрабатывались в рамках социального конструктивизма.

Концепция культурно-исторической детерминации научного знания активно разрабатывал Л. Флек, который пришел к идее об установлении важных зависимостей между социальными условиями возникновения и развития знания и содержанием самого знания, закономерностями его функционирования и изменения. Гносеологическая теория, которую разрабатывает Флек, рассматривает мышление не как процесс, замкнутый рамками индивидуального «Я», а как результат социальной деятельности в той мере, в какой общественный «запас интеллекта» определяет уровень, достижимый индивидом. Для Флека поучительный эпизод из истории серологии, который он приводит в своей книге, является свидетельством того, что содержание фактов, наблюдений определяется интерпретацией, вытекающей из принятого учеными стиля мышления [2]. Теория познания, опирающаяся на понятие индивидуального гносеологического субъекта, характеристики которого не подвержены влияниям исторического времени и социальному контексту, является, по мнению Флека, безнадежно устаревшей.

Таким образом, социальный детерминизм представляет собой открытое, развивающееся для дискуссий поле, формирующееся как усилиями социологов, та и исследователями технологий, антропологов, философов.

Литература: 1. Мангейм К. Избранное: Социология культуры / К. Мангейм. – М., СПб.: Университетская книга, 2000. – 501 с.; 2. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / Л. Флек. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. – 220 с.; 3. Green L. Technoculture / Green, Leila. – Crows Nest: Allen and Unwin Green. – 2001. – P. 1–20.